Людмила Ханаева

От первого лица...

Сыктывкар
2021г.

ББК 84(2 Рос.Ком.)

Х19

Ханаева, Людмила Григорьевна

От первого лица… : стихи, проза / Людмила Ханаева. –

Сыктывкар, 2021 – 79 с.

©Ханаева Л.Г.2021

Автор выражает благодарность за работу над сборником:

Надежде Прохоровой	-	редактору Эжвинского литературного объединения “У камелька”
Ольге Пашковой	-	художнику-оформителю и техническому редактору

Из записной книжки Женщины…

Множество копий сломано в спорах о том, справедливо ли делить литературу на женскую и мужскую. Для меня лично ответ очевиден: женская проза и поэзия существуют – поскольку есть мир женщины, отличный от мира мужчины. Чем они отличаются в одной из областей – литературе? Для женщины-писателя творчество не ремесло, а естественная потребность души, возможность наполнить свою жизнь высшим смыслом. Женская литература – это литература дневников-исповедей: в своих произведениях женщина-автор делает попытку пережить и трудные, и радостные моменты «вместе с вами».

Книга Людмилы Ханаевой «От первого лица…» представляет собой коллаж из фотографических кусочков, зарисовок из повседневной жизни – факты и картины, впечатления и потрясения, записи о событиях и собственных мыслях. Невольно кажется, что перед тобой личный дневник, куда ты заглянул с одобрения или даже по настоянию автора, который заносил в свою записную книжку всё, что происходило с ним за день. Ощущение живого общения с писателем придаёт и особая манера подачи – естественная и доверительная, и близкий современному читателю язык повествования.

В процессе знакомства с произведениями Людмилы Григорьевны читатель как будто оказывается в тёплых объятиях мамы или бабушки, вдыхая родной запах молока и солнца.

Трогательная забота о родном человеке в рассказе «Шторы для брата», сочувствие и сопереживание соседке, пережившей трагические события в «Эхе войны», желание вернуться в прошлое и исправить досадную ошибку в произведении «А там были тапочки кожаные?», тепло, подаренное чужому малышу, который в нём нуждался, в

истории «Родной внук и приёмный» – в каждой из зарисовок чувствуется искренность и душевность.

Эпиграфом к поэтическим страничкам книги «От первого лица…» могли бы стать строки Людмилы Ханаевой:

И спешат, обгоняя друг друга, слова,
И всплывают в уме мысли, образы, даты…

Личный взгляд на события прошлого и современной жизни, нежные строки о родных, посвящения знакомым, городу, республике, художественное описание природы, размышления о жизни – каждое стихотворение – отклик женской Души, чувственной и открытой.

Автор всех этих произведений живёт так же, как пишет: одаривая своей душевной щедростью каждого, входящего в её мир…

А завершить свой отклик мне бы хотелось цитатой из одного из стихотворений Людмилы Григорьевны:

Ты молчишь… Я тоже не знаю,
Как в дороге не оступиться.
Где же истина золотая,
Что волшебной летает птицей.

В добрый путь книга! И непреходящего Вдохновения твоему автору – Людмиле Григорьевне Ханаевой.

С теплом, Надежда Прохорова
Сыктывкар, 2021 год

Поэзия

Читатель мой, я – скромный стихотворец...

* * *

Я вижу, как читаешь в одиночку,
Листая книгу лёгкою рукой.
Как беглый взгляд стрелой летит по строчкам,
И вдруг меж ними слышишь голос мой.

Пишу стихи своей душе в угоду.
Да, в них живёт мой разноцветный мир.
Люблю людей, свой дом, люблю природу,
Но не Есенин я и не Шекспир.

Читатель мой, я – скромный стихотворец,
И разум мой «сие» осознаёт.
Хотя порой душа живёт в раздоре...
Ей дорого внимание твоё!

От первого лица…

* * *

Научи меня на руинах
Неприступные строить замки.
Как вскарабкаться на вершину,
Встать и гордо держать осанку.

Как потом никогда не падать,
Как любить всех душой безмерной,
Обходить стороной преграды
И здоровье сберечь, и нервы?

Ты молчишь… Я тоже не знаю,
Как в дороге не оступиться.
Где же истина золотая,
Что волшебной летает птицей.

* * *

Как на марафоне, мы бежим.
Мы живём в какой-то дикой спешке,
Предаваясь радостям земным,
Или тлеем, словно головешки.

Некогда побыть нам в тишине,
Взвесить чьи-то добрые советы…
Заменили нам друзей вполне
Наши телефоны и планшеты!

Самый незначительный пустяк
Или очень сложная задача
Не даются в жизни просто так,
Всё имеет смысл, всё что-то значит.

Мечется среди проблем душа,
Человеческой поддержки ищет.
Трудно жить ей, трудно ей дышать
Под всемирной виртуальной крышей.

* * *

У зеркала – с пристрастием, без фальши...
Прошла весна и лето отшумело.
Листву роняет лес. А что же дальше?
А дальше – снег, такой холодный, белый.

А дальше – мерзкое рыданье вьюги,
И без просвета за окном морозным.
Осознаю, что это скоро будет...
Воспринимаю данность я серьёзно.

Ушла беспечность с красотой былою.
Под тёплым пледом часто мёрзнет тело.
Ах, зеркало! Оно ничто не скроет,
А до души моей ему нет дела?!

* * *

Научись не завидовать лучшему другу,
Ни врагу, ни приятелям и ни родным.
Даже если везение не по заслугам –
Так бывает: как «дар» все даётся иным.

Солнце тихо встаёт, всем приветливо светит…
И без устали дарит нам ласку, тепло.
Кто-то больше удачлив на этой планете,
Кто-то скажет с досадой: «Всю жизнь не везло!»

Среди нас есть и «серая мышка», и «гений».
Каждый планку себе ставит, в общем-то, сам.
Что дается легко мы не очень-то ценим,
Любим, строим, а что-то бросаем, как хлам.
Научись не завидовать…

* * *

Приоткрою ларь я небольшой:
В нём хранится отрочество, детство,
В нём стихи, что пишутся душой –
Можно взять их в руки, отогреться.

В нём хранятся зрелые года,
В нём живут мои воспоминанья,
Вспышка счастья, радость и беда
Огорченья иль непониманье.

Стая птиц над тихою рекой,
Солнышко улыбчивое в доме.
Разве стану я уже другой
К возрасту почтенному, седому?

* * *

Сделать шаг, дела свои забросив,
И скорей, скорей под листопад.
Крикнуть что есть силы: «Здравствуй, Осень,
Как красив сегодня твой наряд!»

Вдруг понять, что обрела свободу.
Словно легкий озорной листок,
Закружиться в пестром хороводе
И лететь, лететь наискосок.

Пусть назавтра будет снег в округе,
Будут звёзды холодно мерцать.
Что сравнится с этой яркой вьюгой
И ковром осенним у крыльца?

* * *

Я к березке иду, к той, что смотрит на пруд,
По дороге я пёстрой любуюсь аллеей.
Как и прежде меня, знаю, любят и ждут.
Как и прежде нужна! Есть ли что-то важнее?

Отдыхает душа. Тишина и покой.
И куда-то плывут облака надо мною.
Крон касается ласково ветер рукой,
Как котёнок играет с опавшей листвою.

Под ногами ковры, пожелтела трава,
Осыпает осенним меня листопадом.
И спешат, обгоняя друг друга, слова,
И всплывают в уме мысли, образы, даты…

Калейдоскоп

* * *

Приезжай, увидишь Сыктывкар:
Небольшой, уютный и зеленый,
Новые его микрорайоны,
Площади, музеи и вокзал.

Цветники увидишь и бульвар…
Здесь щебечут рано утром птицы
Извещая: «Ты, дружок, – в столице
Коми края. Это – Сыктывкар!

Прикупи «магнитки» близким в дар,
А себе на память сделай фотки:
Деревянные дома, «высотки»,
Парки, летние «кафешки», бар,

Памятники, рынки, ресторан...
Чтобы вспомнить город добрым словом,
Чтобы посетить столицу снова,
Брось монетку мелкую в фонтан.»

* * *

Эжва только район нашей Коми столицы,
Но Арена ледовая есть в ней и парк,
Где досуг провести. Есть музей и больница.
Детских садиков столько?! Есть школы и банк.

Как расстроилась Эжва: высотки, высотки…
Потерялись «хрущёвки» средь этих домов.
Здесь живёт молодежь и её одногодки.
И трепещет душа, видя блик куполов.

* * *

Поселился в доме нашем
Домовой по кличке «Паша».
Он росточком небольшой,
Нос курносый, весь седой.

Носит сшитую когда-то,
Рубашонку, всю в заплатах,
Ходит в стареньком трико.
Обожает молоко.

И, хотя кота он старше,
Дружит с котиком он нашим.
За него мышей пугнет.
(Разленился точно кот!)

Ночь дежурит он в подвале,
Чтобы мыши не украли
Никакой съестной продукт.
Смотрит зорко там и тут.

Даже слышим – иногда
«Мяу» скажет за кота!

* * *

На мониторе каждый день бои.
Но умирают в схватках рукопашных
Условно и «свои», и не «свои»,
И видеть эту смерть совсем не страшно.

На «мышку» жмёт уверенно рука,
Парнишка увлечен игрой потешной.
Он знает, что убьёт наверняка
И выйдет победителем, конечно!

Скорей догнать и выстрелить в упор.
В глазах азарт: «Условный враг повержен!»
Ликуя, смотрит он на монитор...
А где же здесь его душа и сердце?!

Давно скучает удочка в углу,
И шахматы заброшены куда-то.
Похоже их хозяин сам в плену:
И мальчика не пощадят солдаты!

На поле «боя» – современный тир.
Не нужно ни ума и ни старанья.
Калечит душу электронный мир,
Где нет добра, любви и состраданья!

По заказу любителей скандинавской ходьбы

Не развалилась в мягком кресле,
А созерцаешь мир вокруг.
В душе как будто льётся песня
Под твердый шаг, движенье рук.

И пусть не балует погода,
Порой спортсменов не любя.
Но вам даруют кайф природа
И скандинавская ходьба.

Приятно чувствовать движенье,
Ритмичный шаг, ритмичный звук.
Поверю в то, что уваженье
К себе испытываешь вдруг!

* * *

Ванга миру предсказала,
По своим узнав каналам,
Что пять двоек – это плохо,
Как сойдутся – ждать подвоха.
Непростая, в общем, дата,
Бедами она чревата.
По всему звучит эфиру,
Что пришёл КОРОНАВИРУС!
Вырвался он из Китая,
Губит жалости не зная.
Безоружна медицина:
Нет от вируса вакцины.

Что планету нашу ждет,
Справится ли с ней народ?!

* * *

Ну что, дружок, тоску наводит холод,
Клочками шерсть, висит пустой живот?
А помнишь, был ты резв, любим и молод,
Встречая, звонко лаял у ворот.
Вид у тебя, мой друг, уже не бойкий.
Не надрывайся, милый, не рычи:
Не ты один сегодня на помойке,
С тобою рядом роются бичи.
Не ты один в стране большой бездомен,
И брошен ею не один «на дно».
Не мудрено замерзнуть тихо в коме –
Страна списала вас уже давно.
В ней участи другой, дружок, не сыщешь,
Она всех учит быть сегодня злей,
Отталкивать ослабленных и нищих,
На вымиранье брошенных людей.

1999г.

Я помню Вас…

* * *

Взяла я в руки телефон:
Пытаюсь дозвониться маме.
Мой слух предельно напряжён.
Вдруг аппарат мой как-то замер,

Потом гудки, гудки, гудки,
Бежит минута за минутой...
Мы безнадежно далеки,
Абонемент мне недоступен.

Давно скучаю и хочу
Услышать добрый голос мамы,
С ней пообщаться хоть чуть-чуть…
Прижаться к ней, узреть глазами!

Но там, где мама – лишь покой,
Не ведает тот мир фантазий.
К простым желаниям глухой,
С ним никогда не будет связи!

Василию Журавлёву-Печорскому,

с которым мы жили в одном доме, в одном подъезде…

Я помню Вас, я хорошо Вас помню,
Ваш образ в памяти легко возник:
Немного сумрачный… и волос тёмный.
Стол письменный и очень много книг.
Вот Вы в подъезд заходите устало,
Переступив истоптанный порог.
И вновь стихи расскажут, что немало
Вы исходили северных дорог.
И что-то возникало вдруг некстати,
И кто-то был, наверно, Вам не рад.
Но строчки, промелькнувшие в печати,
Ложились в мою школьную тетрадь.
Беру я книжку в твёрдом переплёте,
И вижу я опять издалека,
Как солнце утром ласковое всходит,
И дышит лесом каждая строка.
Прошли года. И всё осталось в прошлом.
Вы так и не узнали обо мне.
А лес опять шумит к зиме тревожно
На нашей с вами северной земле.

2002г.

Р. И. Куклиной. Поэту, литературоведу

Целый мир, огромный мир
Вы в себе хранили.
Глубина его и ширь
Необъятны были.
Душу радовал сынок,
И писались книги.
Промелькнула между строк
Жизнь коротким мигом.
Лето, осень, холода,
Зимние метели –
Кто отсчитывал года,
Кто года отмерил?
Были часто к Вам глухи
Недруги, наверно.
Я держу в руках стихи
О душе нетленной...

В. И. Хворостову

Неспешный слушая рассказ,
Душа с восторгом замирает.
Вы, словно гид, ведете нас
Тропинкой в царство Гималаев.

Пленяет каменный узор,
И льют небесный свет картины.
Мы чувствуем дыханье гор,
Туман, окутавший долины.

В особой сказочной стране
Тепло, таинственно и строго.
Живут там тайны в тишине,
И с высоты взирают Боги.

Поэту Ивану Ярославову

Я Вас прошу: «Давайте жить НАДЕЖДОЙ!»
Пусть это слово будет как пароль.
Вы станете читать стихи, как прежде,
Лишь растворится, лишь утихнет боль.
Помогут обязательно микстуры,
Советы докторов: «Режим, покой».
Ведь если нынче за окошком хмуро,
Так это лишь осенний день такой.
Давайте в силу и надежду верить.
Я знаю, что помогут Вам они.
Пройдут тревоги все на самом деле...
Порадуют Вас солнечные дни!

Сергею Есенину

В своих стихах он воспевал Россию,
Ромашковое поле и сады,
И лопухи, и тихий вечер синий,
Бегущий ручеек и плеск воды.

В них заливалась русская тальянка,
Ей подпевали дружно соловьи.
И бушевало сердце в шумных пьянках,
Желая ласки женской и любви.

Душа металась: мир казался жёстким…
Скучал в деревне без поэта дом,
И помнили его стихи берёзки,
А клён шептал о чём-то, о своём.

Весной дурманил аромат сирени,
И, глядя на дорогу, мать ждала.
Но не вернулся к ним Сергей Есенин –
Метель тропинку к дому замела…

О сколько книг прочла я о войне…

* * *

Отца я представляла много раз
В шинели и с тяжелым автоматом.
Идет война. Один на всех приказ:
«За Родину свою – вперед, солдаты!»

Конечно, думалось ему о том,
Как там родные, как его деревня?!
Во сне, наверно, видел отчий дом,
Пологий берег, речку и деревья.

Во сне он брал охотничье ружьё
И с ним шагал тропинкой в глубь лесную,
Где солнце, птицы, говорок ручьёв,
О чём-то важном тетерев токует.

Отец был меткий, опытный стрелок,
Отец был честный коммунист со стажем!
Но то, как убивать людей он мог
Представить не сумела я ни разу!

* * *

О сколько книг прочла я о войне!
Перевернула не одну страницу.
Год сорок первый. Утром в тишине
Враг вероломно перешёл границу.

И исходила смерть из страшных рук,
Свистели пули и рвались снаряды.
Я видела, что делалось вокруг,
Как будто я стояла где-то рядом.

В ответ стреляла. Шла я на таран.
Ловила взгляд беспомощный ребенка.
Я умирала каждый день от ран.
В тылу я получала похоронки.

Враг убивал людей, взрывал дома.
Спасали мир отцы и наши деды.
Да, о войне написаны тома…
Ценой потерь пришёл к нам
День Победы!

* * *

Война перечеркнула разом планы.
Пункт призывной, прощанье, первый бой.
И повзрослеть пришлось Вам очень рано,
Чтоб от врага свой дом прикрыть собой.

В атаку шли в любую непогоду
Под пули, взрывы, воющий фугас.
«За Родину!» – кричал и падал кто-то,
За будущее погибал, за нас.

И до сих пор война Вам эта снится,
И не забыть её Вам никогда:
Друзей погибших видите Вы лица,
Горящие деревни, города.

И старые сильней тревожат раны,
И чаще дум Вы горестных полны…
За всё поклон Вам низкий, ВЕТЕРАНЫ,
За то, что мы живём, что нет войны!
2016г.

Холокост – истребление евреев
(дословный перевод с греческого
“пожертвование через огонь”).
Во время Великой Отечественной войны
погибло 6 миллионов евреев.

* * *

Холокост!!! Это даже представить непросто:
В сердце боль, в сердце скорбь по убитым живёт.
Невозможно забыть, как бездушные монстры
Истребляли невинный еврейский народ.

Не жалели свинца на детей и на женщин.
Убивали мужчин и седых стариков.
Эта боль и сегодня терзает не меньше
Среди мирного неба и ярких цветов.

Слышу крики людей, их проклятья и стоны,
Вижу камеры с газом и топки печей,
И колонны замученных и обречённых –
Ярость или же тупость в глазах палачей.

Над погостом ночами печальные звёзды
Ищут тех, кто не выжил и недолюбил,
Кто исчез безвозвратно в огне Холокоста...
И склоняется ветер у братских могил.

* * *

Был сорок первый… И было лето…
И град свинца, и скрежет стали,
И чёрный дым был, и лазареты,
И смерть была… И отступали…

Сменяли осень опять морозы.
Был голод, были похоронки
И писем ждали, и были слёзы,
И от домов – одни воронки…

И, наконец, год – сорок пятый,
Рейхстаг, салют, на небе – блики!
С Победой шли домой солдаты,
И этот день стал днём великим.

* * *

На зависть врагам всё портреты, портреты…
На площади полк: вместе внуки и деды.
Бессмертные воины снова в строю.
И, как в сорок пятом – на небе салют,

И гимн наш, и песни, и красные флаги…
Спасибо за мужество Вам и отвагу,
Спасибо, солдаты, за мир, за ПОБЕДУ,
За подвиг великий, за чистое небо!
Пусть смотрят враги… Их старанье бессильно.
Ведь не победить никогда им Россию!

2018г.

* * *

Как мало вас сегодня, Ветераны,
Под флагами победными в строю!
Мелькают кадры на телеэкранах,
Снаряды бьют безжалостно и бьют…

Воспоминанья отдаются болью:
Нет рядом многих боевых друзей!
И снова перед Вами поле боя,
И пыльные дороги страшных дней.

Вы ордена надели в День Победы,
Великие защитники страны.
Вам благодарны правнуки и дети
Что до сих пор не знаем мы войны!

2015г.

* * *

Кровоточат раны на моей планете,
Женщины рыдают, и боятся дети,
Старики седеют от большого горя –
Как ужасна все же невиновных доля!
Правосудье «свыше», отключившись, дремлет:
Ничего, что грубо делят чью-то землю,
Чей-то кров разрушен, кто-то под прицелом –
Был бы только доллар приумножен в целом.
И летят снаряды, оглушают взрывы,
И растут под небом новые могилы…

Не со мною это происходит, знаю.
Но такое чувство, что в меня стреляют,
Мои дети плачут, их ужасна доля,
Это я седею от большого горя…

1987г.

А я за вас тихонько помолюсь…

* * *

А я за вас тихонько помолюсь:
Иной раз путь – острее тонкой бритвы.
За ваш успех, за радость и за грусть…
Пусть вам поможет добрая молитва.

Не за себя, вы слышите, за вас
(Бывает в жизни каждому непросто).
Пусть Бог вам счастье все-таки воздаст,
Пусть солнце светит вам, а ночью – звёзды.

* * *

Стали взрослыми – вижу – мальчишки мои
И уже зашагали своею дорогой.
От невзгод – ты, Всевышний, мальчишек храни!
Пусть любовь моя в жизни им станет подмогой.

Краски осени гасит нещадно мороз.
Но приходит весна, возвращается лето,
Тополя за окном снова тянутся в рост,
Птицы вьют свои гнёзда средь зелени веток.

Не прожить свою жизнь без забот и труда:
Испытают и радость они, и тревогу.
Солнце будет их греть, обдувать холода …
Пусть любовь моя мальчикам будет подмогой.

В. Е. Нестеровой

Миновал не один уже год:
За плечами и радость, и боль…
Разошёлся апрель и поёт,
Как к семерке пристроился ноль.

Дробью тешится звонко капель.
Всё стучит, как хороший игрок.
Улыбнись от души и поверь,
Ведь и семьдесят – это не СРОК!

Встрепенулась за дверью весна.
Рядом муж, рядом дети и внуки:
Как в былые года – не до сна,
Как в былые года – не до скуки.

* * *

Стала важной сиамская кошка –
Любит Муську вся наша семья.
Вечерами сидит у окошка.
Смотрит вдаль. Ждёт с работы меня.

Выгнет спинку, мяукнет привычно:
«Дай скорее «вкусняшечку» мне!»
Своенравна она и критична:
Всё же, ласку оценит вдвойне.

Поиграет, устроится в кресле –
Тишиною наполнится дом.
Или ляжет в постель со мной вместе,
И уютно нам будет вдвоём.

Хорошо, если в доме есть кошка,
Пусть под боком сопит, не спеша.
Я поглажу Мусильду ладошкой –
Как же, рядом – живая душа!

* * *

Как же быстро и дни, и недели
Пронеслись звонкой песней ручья,
И года пронеслись...пролетели –
Повзрослели мои сыновья.

И, ребят провожая в дорогу,
Я шепчу им тихонечко вслед:
Моих мальчиков, Горе, не трогай,
Ты, Судьба, береги их от бед.

Пусть тропинку назад не забудут,
Навещают родительский дом.
Пусть встречают их добрые люди.
Пусть своим лишь гордятся трудом.

Для маленькой девочки, внучки Алисы…

* * *

Задача нелегкая есть у Апреля:
Чтоб снег растопить под окном поскорее,
И солнечным светом залить всю округу,
Чтоб птицы вернулись с далёкого юга,
Чтоб первую травку увидела внучка,
И жёлтый цветочек сорвали бы ручки,
Чтоб пели ручьи, просыпались нарциссы
Для маленькой девочки, внучки Алисы!

* * *

Все, Алиса, будут спать
Детки и игрушки.
Кукла ляжет на кровать.
Вот её подушка.
Книжки детские стоят,
Место их – на полке.
Сладко начали зевать
Мышки в своих норках.
Спать готовится лиса,
С ней уснут лисята.
Зайцам тоже спать пора,
Спать пора волчатам.
Отгадай о чём поёт
Кошка наша, Шуся:
«Сказка в гости к нам идёт,
Мя-я-у, не волнуйся,
Я открою шире дверь –
Закрывай ресницы.
Сказка до утра теперь
Будет тебе сниться».

* * *

Это кто так рано встал?
Чья кричит малышка:
«Мама, папа, хватит спать,
Хватит спать, братишка!
Это кто, глаза открыв,
Тянется за кошкой?
Ох, не просто нашей Шусе
Жить с такою крошкой!
Кто поднялся раньше всех,
Голос чей услышан?
Хулиганить может так
Только лишь Алиса!

* * *

У Алисы пластилин –
Твёрдый, непослушный…
Мама учит: «Тонкий блин,
Глазки, ротик, ушки.
Бровки сделаем дугой, –
Говорит ей мама.
– Гномик выйдет небольшой,
Улыбаться станет!
Назовем его Антон?
Слепим ручки, ножки…
Выложим всё на картон:
Пусть живёт Антошка!»

* * *

Какой разноцветный кокетливый носик,
Глаза голубые, а щёчки, как осень…
Не внучка, а девочка чья-то другая,
Алисонька наша совсем не такая!

И ручки, и ножки проказницы в краске –
Такое в весёлой бывает лишь сказке.
С искринкой во взгляде, чумазые дети
Живут на другой необычной планете.

Но мама её, улыбнувшись, сказала:
«В художнице этой я дочку узнала.
Шалунья она, хохотушка, актриса –
Любимая девочка наша Алиса!»

Времена года

* * *

Запоздала Зима: к ноябрю не явилась.
Моросили дожди, навевая тоску.
Ветер всем демонстрировал удаль да силу
И суровые взгляды бросал на реку.

Всюду лужи и грязь. Небо тяжестью серой
Опускалось все ниже на крыши домов.
Лес тревожно роптал, волновался, но верил,
Ждёт его впереди много сказочных снов.

Запоздала Зима! Что её задержало,
Может ей разонравились наши края?
Может снежное не соткала покрывало,
Чтоб укрыть потеплее леса и поля?

* * *

В одночасье ОСЕНЬ поседела,
На кустах, деревьях, на траве
Первый снег лежит пушистый, белый…
Будто мы в холодном ноябре.

Только разум мой ещё не верит,
Что пришли на землю холода.
Осень за собой закрыла двери,
Лужи – под узорной коркой льда.

Отогрело душу «бабье лето»:
Улыбнулось лаской и теплом.
Настроенье солнечное, где ты,
Скрылось, как и ОСЕНЬ, за углом?

* * *

Давно НОЯБРЬ укрыл дороги снегом,
Лес убаюкал нежным, сладким сном.
Плывут снежинки, опускаясь с неба,
И праздник создают нам за окном.

Но иногда шалит он без предела,
Войдёт в азарт, охваченный игрой:
Кусты облепит изморозью белой,
Не обойдет деревья стороной.

Но чаще же ведёт себя прилично:
И, улыбаясь звездам в тишине,
Вдруг невзначай о чем-то
вспомнит личном,
Привет пошлет красавице Луне.

* * *

За окошком моим снегопад, снегопад,
И немые снежинки летят наугад.
И, полётом замедленным радуя взор,
Всё ложатся на белый пушистый ковёр.
Нами прожитый день догорает уже,
Только что-то моей неспокойно душе.
В этом царстве волшебном царит тишина,
А душе моей боль всё яснее слышна.
И припомнить заставит слова твои ночь,
Всё смешает, сгустит и уйдёт тихо прочь.

* * *

Убаюкал Декабрь всю округу,
Отдыхает под снегом земля.
Он торжественно взял на поруки
Ели пышные и тополя.

Обошёл сам все реки, озёра
И сковал до весны крепко льдом.
Резкий ветер на шалости скорый
Рядом в вихре играет шальном.

Он бывает суровый и грозный.
И куда ни взгляни – тишина.
Присмирели пугливые звёзды,
Осуждающе смотрит луна.

* * *

Вся в белом снежная богиня:
Холодный взгляд, походка, стать,
На ней наряд искрится зимний –
Ей долго в нём ещё блистать.

Ноябрь сковал надёжно реки,
Вокруг – пушистые ковры.
Декабрь всё принял под опеку:
Поля, озёра и боры.

На всех деревьях пелеринки
Из бархатного полотна.
Танцуют лёгкие снежинки,
То звёзды светят, то луна.

И разукрасит симпатично
И город, и село народ,
Чтоб сказочно и романтично
Пришёл на землю Новый Год.

* * *

А снег ложится тихо и печально
На плечи, тротуары и дома.
Для января считается нормальным
Сиянье звёзд, морозы, тишина.

Зима идёт, заглядывая в парки,
За нею ветер скачет по пятам.
И снежные сугробы, как подарки,
Рукою щедрой отсыпает нам.

«Ау!» – несётся легким нежным звоном…
И тает звук, и убегает вдаль.
Январь уходит по тропе знакомой,
И эхом отзывается Февраль.

* * *

Белым-бело на улице,
То свист, то тишина.
Березонька сутулится
От ветра у окна.

Прогноз совсем не радует
(Пугать людей привык.)
Февраль ещё злорадствует,
Шалит. Ах, озорник!

Засыпаны все дворики,
Тропинки замело.
Не думает о дворниках,
А им то, каково?!

Заботы неизбежные:
Старается зима.
И дружно хлопья снежные
Ложатся на дома…

* * *

Март наступил. Он не нарушил сроки.
Сменил, как полагается, Февраль.
Не опоздал: шёл по лесной дороге,
Преодолел сугробы, ветер, даль.
Ему хотелось, чтобы пели птицы,
Вернувшись из далеких тёплых стран.
А солнце (ну, чего же так скупиться!),
Чтоб выполняло свой весенний план.
Хотел услышать песенку капели
И с солнечным хотел играть лучом…
Но изрекла Зима: «Ведь это – Север!»
И повела кокетливо плечом.
«В апреле будет небо голубое,
И побегут веселые ручьи.
И ты не смей со мною, слышишь, спорить», –
И топнула ногою – «Замолчи!»
Взмахнув рукою в белом одеянье,
Прикрикнула: «Метель, вперед на старт!
А уступать свой трон мне нет желанья…»
И как-то сник весенний месяц Март.

* * *

А март у нас ещё в снега одет,
И скованы надёжно речки льдом.
Идёт в добротных валенках сосед.
Узорные снежинки за окном.

Спит безмятежно кошка на тахте,
Изящно лапкой прикрывая нос.
Лежат сугробы снежные везде,
И не сдает позиции мороз.

* * *

Ну, наконец-то, Март пришёл в себя
И начал иногда хоть улыбаться.
На землю стал поглядывать, любя
И заверять: «Пошлю тепло вам, братцы!»

Он день намного удлинил уже,
Он с Матушкой-Зимою смело спорит,
Указывая этой госпоже:
«Пришёл за вами, леди, поезд скорый!»

Конечно, и смекалка здесь нужна,
И сила, и старание мужчины…
Ведь на свиданье с ним спешит Весна,
И Зиму гнать есть веские причины!

* * *

Март, уходя, сказал Апрелю:
– Что смог, я сделал для тебя!
Зима твердила: «Это – Север!»
Ногами топала, вопя,
Кричала нервно: «Ты не трогай
Сугробы белые мои!»
Вела себя, как сторож строгий…
Но удлинил я все же дни
И ухитрился, и окрасил
Я нежной краской голубой
Весь небосвод. И стало сразу
Уютней, и теплей со мной.
Растопишь ты снега все махом!
Ступай на землю, не робей.
Зима уж съёжилась от страха.
Удачи, милый друг, тебе!

* * *

АПРЕЛЬ улыбкой солнечной искрится:
Ручьи задорно о Весне поют.
С краёв далеких прилетают птицы,
Преодолев не очень лёгкий путь.

Стучит апрель, стучит ежеминутно:
Рыдает на прощание Зима.
И с солнышком становится уютней,
Беззвучно тают снега закрома!

* * *

Апрель, уходя, подводит итоги:
«Я с пользой пришёл, и сделал я много.
Я вам подарил столько солнечных дней,
Увидели землю и травку на ней.

Вы, люди, за зиму изнежились что-то…»
Торопит Апрель: «Веселей, за работу,
Спешите скорее, соскучились дачи.
Ну, что пожелать Вам ещё? Лишь удачи!»

* * *

Весна наводит на земле порядок:
Бегут своей дорогою ручьи.
У дачников за окнами рассада,
Готовят гнёзда для птенцов грачи.

Берёзки у дороги разомлели,
Теплее стали дни и вечера.
Под солнцем сосны нежатся и ели,
И воробьи чирикают с утра!

* * *

Приустал Апрель немного,
Крикнул: «Май, иди скорей!
Ждёт меня уже дорога...
Ты, прикинь, за сколько дней
Нежною зеленой краской
Луг раскрасишь ты и лес?
Подари народу сказку
От души, где сто чудес.
Чтоб тепла на всех досталось,
Северный порадуй край.
Не жалей такую малость,
Солнцем землю обласкай!

* * *

Лето заблудилось. По дороге где-то
Заплутало в елях или же в березах.
Нет тепла в помине, солнечного света.
Каждый день на землю льёт печально слёзы.

Лето заблудилось, потеряв дорогу.
Вот беда какая! Может, сглазил кто-то?
Лес непроходимый да полянок много:
По тропинкам мокрым, видно, трудно топать!

* * *

От морозов уже не осталось следа:
Звонко птицы поют, запах сладкий сирени…
Где метели? Ау!!! Где снежок, холода,
А была ли зима за окном, в самом деле?

Пусть ирга наряжается в белый наряд,
Васильки просыпаются, астры, ромашки.
Над цветами пусть бабочки плавно парят,
Оживают кузнечики, осы, букашки.

Он так нежен, так ласков и так еще юн,
Но в работу включился с азартом и сразу.
Пусть теплом нас порадует месяц ИЮНЬ,
Пусть порадует нас он обилием красок.

* * *

Запах лета, запах мяты,
Мягко стелется трава.
Облака плывут куда-то,
Чуть колышется листва.

Надо мной щебечут птицы,
Куст сирени у ворот,
Дружно расцвели нарциссы,
Щавель лезет без забот.

Кот нашел себе местечко,
У моих разлегся ног…
Солнце село на крылечко,
Гладит рыженький бочок.

«Дел невпроворот на даче!» –
Голосит петух с утра.
Солнце глаз своих не прячет,
И до вечера – жара!

* * *

Слышу звонкий я голос лета,
Пенье птиц и полет осы.
Среди зелени, солнца, света –
Крылья яркие стрекозы.

Распахнул июль в лето двери,
А за ними – цветы, и зной.
Может тучей явиться серой,
Расшуметься лихой грозой!

На лугах – зелёные травы.
Кучерявые облака
Всё плывут себе величаво.
На жаре искрится река.

Берега её, как ступени.
Гамма красок полна чудес.
Мы дары его очень ценим:
Полон ягод ближайший лес.

* * *

Июль с утра уже теплом ласкает.
Ещё нет зноя. Нежится река.
Блуждает где-то тучка грозовая,
И лес от сна не отошёл пока.

Лишь с любопытством смотрит голубика.
Краснеет земляника на бугре.
У дома птицы начали чирикать
На дереве ветвистом во дворе.

И взгляд ромашек не таит печали,
Пестреет клумба словно напоказ.
Июль, поверь, тебя мы долго ждали,
И наконец-то ты гостишь у нас!

* * *

Август щедрый на подарки.
Руки разведя по-царски,
Говорит: «Берите люди,
Каравай уже на блюде.
Лук, морковка, огурцы
Словно братцы-близнецы.
И горох, и помидоры
Радуют собою взоры.
А в лесу – грибы, орехи».
«Мне не жалко!» - вторит эхо:
Есть и ягоды, и мёд…
Заготавливай, народ!»

* * *

Уходит лето по-английски, молча.
Дожди унылые стучат в окно.
Короче дни и всё длиннее ночи –
Но августу, похоже, всё равно,

Что нам тепло уже совсем не светит.
Осознаём мы это наяву:
По улицам гуляет чаще ветер
И теребит назойливо листву.

Не греет солнце. Осень на пороге.
И звонких песен птицы не поют.
Не нарушает лето график строгий –
И растворились радость и уют…

* * *

Вот и небо стало чаще хмуриться,
Солнце спряталось за горизонт.
Непроглядная сырость на улице –
Где же старенький, преданный зонт?

Одинокая скамейка рядом с ивою
Загрустила в парке у пруда:
Всё идут, идут дожди тоскливые…
Дни умчались летние куда?!

* * *

Унылый дождь… Стоит за дверью осень,
Но сердце ещё рвётся в прошлый день.
Душа тепла, душа уюта просит:
Цветы на клумбах, запах трав и тень.

На небесах прикидывая где-то,
Ведёт природа строгий свой учёт.
Когда умчится солнечное лето,
Когда начнётся птичий перелёт.

Тепло вернётся к нам ещё не скоро…
Не убеждай её и не проси.
Плетёт она красивые узоры,
Настраивая грустью клавесин.

* * *

Холодная осенняя пора.
Промокшие деревья шепчут что-то.
И небо давит серое с утра,
И в тягость повседневные заботы.

Сгущается под вечер синева,
Усталый ветер скачет неуклюже.
И, осыпаясь, желтая листва
Обречена в холодных плавать лужах.

А дождик льет часами напролет,
Как мышь шуршит за окнами в потемках:
То всхлипнет вдруг, то жалобно вздохнет,
То чем-то возмущается негромко…

* * *

А ветер весело, вприпрыжку
Бежит за яркою листвою,
То всё сгребёт, то пнёт ногою.
Совсем как озорной мальчишка!

Вот приструнить бы забияку:
Ведь дворникам порядок нужен.
Надрать бы хулигану уши,
Но кто с ним справится, однако?!

* * *

Горит лучистым золотом сентябрь:
То красный, то оранжевый местами.
Любуется собою вместе с нами:
Накидок сколько ярких, сколько шляп!

Ещё березки водят хоровод
Все в жёлтых, все в нарядных сарафанах.
И лес вокруг под стать стоит багряный:
Улыбчив, добродушен, без забот.

Что будет завтра?! Нужно ли сейчас
Лить слёзы от того, что будет холод.
И есть ли для печали важный повод?
Ведь он сегодня просто напоказ!

* * *

Снова осень стоит у порога,
Демонстрируя яркий наряд.
А какие ковры на дорогах
Стелет под ноги нам листопад?!

Улыбается: «Здравствуйте, люди,
Не с пустыми руками пришла,
Целый год я вас потчевать буду
Угощеньями, что принесла…»

Пусть она своенравна немножко –
То добром, то кокетством дразня,
Вдруг заплачет с тоской у окошка:
«И такую примите меня!»

2007г.

* * *

Не нарушая сроки, снег пошёл.
Преобразил он сразу всю округу.
И на душе вдруг стало хорошо,
Как будто повстречалась с давним другом.

С восторгом наблюдала я за ним:
Ложился он на голову, на плечи,
Пушистым был и трепетным таким.
Он украшал собою этот вечер.

Кружились хлопья нежно в темноте.
ОКТЯБРЬ их принимал в свои ладони.
На землю снег доверчиво летел.
Он радость этой встречи сразу понял!

* * *

Пожелтели за окном берёзки,
Потянулись к югу журавли.
Яркой, разноцветною полоской
Вспыхнул на прощанье лес вдали.

Ночи всё темней и злее стужи,
Затяжные моросят дожди,
Листьев корабли в холодных лужах –
До весны теперь тепла не жди.

И, прикрыв плотней на кухне шторы,
Я скажу любимому коту:
«Хмурый вечер кончится не скоро…»
И поставлю чайник на плиту.

«Пусть же ветер скачет по аллеям,
Мелкой дрожью отдает река.
Мой дружок, тебя ведь шубка греет,
Ну а мне б – горячего чайка».

* * *

Провожает осень птичьи стаи...
Машет вслед ОКТЯБРЬ и всё рыдает.
Солнце тихо прячется во мгле,
Потерявшее своё тепло к зиме.

Озорует беззаботный ветер,
Просыпаясь рано на рассвете.
Первый с неба падает снежок,
Беззащитно стелется у ног.

И стучится в дверь ноябрь невзрачный…
Заморозит всё он, однозначно!
И, конечно, сразу холода
Стянут лужи крепкой коркой льда.

* * *

Золотая опала листва,
Дождь идет день и ночь бледнолицый,
Не поют уже певчие птицы,
Почерневшая никнет трава.

Оголились вокруг тополя:
Ждут они обречённо морозы.
С грустью смотрят на небо березы,
К холодам одичали поля.

В серой дымке скучают дома.
Лес от сырости будто контужен.
И тревога вселяется в душу –
Что готовит нам завтра ЗИМА?

Проза

Эхо войны…

Когда я намечала поездку в посёлок Нижний Чов, любопытным поясняла: «Еду в гости к тётушке». При этом, конечно же, допускала неточность: нас никогда не связывало кровное родство, просто я тётю Аню очень любила за её мудрость, умение выслушать и дать какой-то дельный совет. Жила она в деревянном одноэтажном доме на четыре квартиры с двумя входами с противоположных сторон. Когда-то мы жили по соседству, наши квартиры как раз и соединяло общее крыльцо. Её четырехлетний сын, Володя, находился под моей бдительной опекой. (В нашей семье я была младшим ребенком, поэтому постоянно испытывала на себе не только опеку, но и власть старших. А как хотелось самой подчинять!). Мой сосед Вова был преданным мальчиком. Если я говорила ему: «Пойдешь со мной» (независимо куда), он беспрекословно подчинялся, или: «Будешь слушать» и что-нибудь читала (а читать я не только любила, мне нравилось, чтобы меня ещё и слушали), Вова не перечил, хотя иногда мог даже заснуть, не дождавшись конца текста. Но ослушаться – никогда! Он со мной пас утят, которых один сезон держали мои родители, ходил рвать для них мокрицу… Порой мы ссорились. И тогда я разделяла наше общее крыльцо мелом, мы садились с ним спина к спине, подпирая друг друга, и с усердием следили, чтобы никто из нас не нарушал прочерченную мелом границу. Конечно, иногда хотелось, чтобы он не мешал мне общаться с моими подружками. Но Вова каким-то образом изгалялся и преследовал меня всюду.

Тёте Ане приходилось много работать, потому что сына своего воспитывала одна, и ей, действительно, важно было, чтобы за ним кто-нибудь присматривал. С моей мамой у неё сложились тёплые дружеские отношения. Вова в буквальном смысле жил у нас. Да и мои уже повзрослевшие братья уважали нашу соседку, и по-своему любили. Дело в том, что тётя Аня обладала изумительным голосом, а ещё умела играть на гитаре, не так как молодёжь в подъездах: в её игре присутствовали завораживающие переборы струн и говорящие аккорды… По вечерам, если у неё выдавалась свободная минутка, мы слушали романсы в её исполнении или же стихи, которые она знала в огромном количестве. Тётя Аня и братьев моих научила играть на гитаре.

Однажды она позвонила мне и попросила приехать «по очень важному делу».

– У меня к тебе серьёзная просьба, – немного задумчиво проговорила тётя Аня при встрече. – Даже Вова не знает того, о чём я тебе сейчас расскажу. Когда началась война, мне было четырнадцать лет. Немцы угоняли в Германию молодёжь, чтобы использовать в качестве рабочей силы. Мы вместе с моей старшей сестрой попали в число таких работников.

Куда нас привезли, я точно сказать не могу. Нам пришлось работать в столовой. Днём нескольких девушек, в том числе и меня с сестрой, закрывали в какой-то комнате. Вечером, когда столовая прекращала свою деятельность, приходил сопровождающий, и под его присмотром мы спускались в зал. Нашей задачей было вымыть пол, плиты, посуду. В общем, навести полный порядок, а пунктуальные немцы знали толк в «полном порядке». Конечно же, днём нас не кормили. Попав в столовую, мы первым делом вылизывали тарелки и подъедали все остатки пищи. Были повара, которые жалели нас и оставляли в огромных котлах остатки супа или

что-нибудь съестное. Но не все работники столовой относились к нам с участием. И тогда мы довольствовались тем, что оставалось на стенках немытой посуды.

Советская армия уверенно наступала. Через полтора года нас освободили, и мы попали в контрольно-фильтровочный пункт города Львова, где с каждым из нас по отдельности проводили «беседу». Меня пропустили вперед, так как я была к этому времени ещё несовершеннолетней. Уговаривали остаться в Германии. Конечно же, я отказалась. Мне выдали документ – удостоверение личности – и отпустили. Я стала ждать сестру. Несколько дней просидела у пропускного «фильтра». Уже вышли все, кто с нами поступил сюда, а сестры всё не было. Наконец, я поняла, что ждать уже бесполезно и отправилась домой одна.

К моему счастью меня в нашем доме встретила мама. Как мы с ней выживали – это отдельный рассказ. Здоровье её было подорвано, поэтому мне пришлось пойти на работу, чтобы кормить и себя, и её… Так вот, я слышала, что детям, попавшим в Германию во время войны, – продолжала тётя Аня, – полагаются выплаты. Помоги мне, пожалуйста, восстановить сведения о моём пребывании в Германии.

Я действительно в то время по роду своей службы занималась оформлением пенсий, и мне часто приходилось восстанавливать трудовой или военный стаж, помогая пожилым людям. Конечно же, я записала дату, место рождения и те данные, которые бы мне помогли сделать запросы.

А потом мы пили чай, и я слушала рассказ тёти Ани…

– Маленькая Сырья Верхнедвинской области Дриссинского района, где я родилась, – вспоминала она, – располагалась недалеко от Польши. От границы до поселка, наверное, километров десять-пятнадцать. Почти все жители работали в колхозе «Маяк». Мама моя была телятницей, – продолжала делиться своими воспоминаниями тётя Аня. – Стояла в Сарье православная церковь. Когда-то она очень красивой была. Правда, потом при советской власти её

превратили в хранилище для льна. Достопримечательность посёлка – поместье помещика Лапатина. Вокруг него раскинулась ухоженная зелёная территория. Украшали её две огромные липовые аллеи. Поместье Лапатина – это большое одноэтажное каменное строение в виде буквы «Т». Когда в эти края пришла советская власть, помещик Лапатин сбежал в Польшу, а в его доме разместили школу. Говорили, что в подвале поместья был тайник. Но я не помню, чтобы кладоискателям повезло, и они что-нибудь нашли.

Посёлок Сарья раскинулся на покатых склонах низины. На одной стороне располагались невысокие каменные дома. Наша семья занимала одну комнату в небольшом доме. Посередине этой комнаты стоял огромный комод. Он был такой высокий, как наши современные шифоньеры. На одной стороне находилась печка с лежанкой. Там спала мама. По другую сторону этого комода, на диване спал брат, а на кровати, напротив дивана – мы с сестрой. Матрацы были из соломы. Один раз в 2-3 недели меняли солому. Подушки набивали перьями, а одеяла были тканные. Их изготовляли на ткацких станках изо льна, конопли или же из овечьей шерсти. Одеяла из овечьей шерсти очень дорого ценились, и не все могли себе их позволить.

В школу брали с восьми лет, но меня приняли в неполных семь: к этому времени я уже умела читать, мною самостоятельно была прочитана книжка «Мышонок Пик», могла решать несложные примеры, например, два плюс четыре. Жили мы бедно. В школу я отправилась в маминой юбке, подвернув её в поясе, насколько смогла. На одной ноге – рваная калоша, на другой – брезентовый ботинок с оторванным носом. Галошу я подкрутила проволокой. Увидев меня на пороге класса, учительница, наверное, просто пожалела и оставила сидеть за последней партой. Я стала каждый день приходить в школу. Оценив мои знания, она, уже позже, зачислила меня в первый класс. Училась я хорошо, у меня всегда были только хорошие оценки. В школу ходить мне очень нравилось.

Между склонами, внизу, протекала небольшая речушка с красивым названием Сарьянка. Через неё был перекинут мостик. За посёлком зелёной стеной стояла дремучая роща, которая у горизонта сливалась с необъятным небом. Ранним утром солнце, выкатываясь со своего тёплого ложа, расплёскивало нежные лучи на наши дома, речку и лес. Казалось, что там, за горизонтом, ничего лучше нашего поселка нет. В лесу росли невозмутимые хвойные исполины, а между ними – дуб, ясень, клён…Осенью яркие разноцветные блики постепенно сливались в одну однородную массу, будто бы на рощу опускался какой-то сказочный оранжевый туман.

Незадолго до прихода немцев мы ходили в лес и рыли блиндажи. Настроение у всех было подавленное: советская армия отступала. Над Сарьей иногда летали самолеты, и немцы строчили из пулеметов. Было такое ощущение, что они стреляли без какой-то определенной цели. Во всяком случае, никто из жителей не пострадал.

Я хорошо помню тот день, когда немцы прибыли в Сарью на мотоциклах – девятого июля. Это были выхоленные рослые мужчины с голубыми глазами и светлыми волосами. Мне почему-то запомнилось, что почти все они имели при себе губные гармошки. У нас в Сарье они расположили свой штаб. Незваные гости заняли школу и территорию липовых аллей. Жителей они не трогали, хотя ходили по дворам и бесцеремонно отбирали скотину (гусей, свиней). Стояли они у нас недолго. Через некоторое время, оставив вместо себя бургомистра (русского), они отбыли дальше. Вскоре, после ухода немцев, вернулся в Сарью сын помещика Зиба Лапатинский со своей женой.

В лесах стали организовываться партизанские отряды. Многие местные жители тоже уходили в лес. Однажды очень сильно бомбили Сарью. Почти всё население нашего поселка спряталось в лесу. Мать не захотела уходить, я тоже осталась с ней дома. Было очень страшно. Мама стояла у окна и тихо читала молитву. То справа от нас, то слева разрывались снаряды. Когда кончилась бомбежка, мы увидели, что вокруг

нашего дома сплошные воронки. От Сарьи почти ничего не осталось: уцелело всего несколько домов, в том числе и наш. В лес всё-таки уйти нам с сестрой пришлось (хотя мама так и пережила всю войну в нашем доме. Не то дом её хранил, не то она так усердно молилась, что отмолила его). Я помню, как мы скитались по лесу, жили в землянках. Как-то я простыла, и меня прогревали, прикладывая к спине горячие кирпичи. От кирпичей были на спине ожоги. Мы питались тогда найденной перемерзшей капустой. Этой же капустой лечили ожоги на моей спине. Всякое было… одним словом, война. Помню, как мы бежали от немцев, зима, лед, наст, ноги скользили, проваливались. Я потеряла один ботинок, но останавливаться было некогда. Мне тогда только-только исполнилось четырнадцать лет…

Днём никто не выходил из укрытия, боялись наткнуться на немцев. Еду искали ночью в кромешной тьме. Рылись на полях и рады были найденной замерзшей картошке… Топили печку тоже по ночам. Трубы не было, чтобы немцы не могли обнаружить нас, увидев дым. Сажа оседала на стенках землянки и на обитателях пристанища, поэтому мы были все вымазанные ею… – продолжала вспоминать тётя Аня.

Я слушала, и всё время представляла на её месте себя или же своего четырнадцатилетнего сына. Сердце моё сжималось от страха… А ещё я представляла, как она голодная сидела в закопченной от дыма и копоти землянке. Господи, что же ей пришлось пережить!

Мне удалось разыскать сведения о её пребывании в Германии, в городе Ферлак, где ей, худенькому подростку, пришлось работать в немецкой столовой, и она получила заслуженные выплаты…

Прошло некоторое время. Белорусская диаспора, которая располагалась в нашем городе, задумала выпустить книгу о военных воспоминаниях жителей Белоруссии. Я созвонилась с тётей Аней, сказала, что направлю к ней литератора, чтобы её невесёлые воспоминания о войне вошли в готовящуюся книгу. Сообщила ей о том, что женщина эта тоже родом из

Белоруссии и помнит войну, так как родилась в 1941 году. У неё просто больше времени, так как она уже на пенсии, поэтому не работает. Но тётя Аня наотрез отказалась.

– Тогда я сама приеду, можно? – попросила я.

Мне очень хотелось, чтобы Володя, её сын, прочитал воспоминания своей мамы. Рассказать ему она навряд ли решится. Мы обговорили день и время. Перед назначенным днём тётя Аня перезвонила мне и отменила встречу.

– Это так тяжело вспоминать, – призналась она. – Я сегодня всю ночь не спала, перед глазами мелькали пережитые военные эпизоды…

Так больше к этому мы не вернулись, хотя я иногда при наших встречах пыталась разговорить её, но, к сожалению, у меня ничего не получалось.

Уже нет тёти Ани (светлая ей память!), нет в живых и её сына, Володи, с которым мы играли, пасли утят, ссорились и делили мелом крыльцо… Повзрослев, мы уже очень редко встречались с ним. Но когда нас сталкивал случай, и было немного времени для общения, он много рассказывал о своём производстве, о проблемах с кадрами, о сложных взаимоотношениях с партнёрами. Кстати, в 2005 году Володя помог мне выпустить мою первую поэтическую книгу, полностью оплатив её. Подписывая счёт, он, улыбнувшись доброжелательно, предложил мне каждый год приносить для оплаты счета на мои авторские сборники… Конечно же, я не стала пользоваться его дружеским расположением, хотя искренне благодарна за помощь с изданием своего первого сборника, на оплате которого он настоял, отвергнув все мои протесты.

…Стоя у могилы тёти Ани и её сына, Володи, я подумала: навряд ли она рассказала Вове о пребывании у немцев… И решила, что непременно восстановлю в памяти всё, что её так мучило, хотя бы для внучки, названной в честь бабушки Анной, с которой у неё всегда были очень тёплые дружеские отношения. Кроме того, у тёти Ани подрастают уже и трое

правнуков, может, когда-то и им будет интересно узнать об этой странице жизни своей прабабушки.

Шторы для брата

Что подарить брату на день рождения? Этот вопрос всегда вызывал во мне долгие раздумья. Конечно, хотелось, чтобы подарок понравился и был, как говорится, к месту.
Он уже не очень молод, поэтому сувениром не отделаешься.

Дети у брата давно стали взрослыми. Их, приезжавших теперь в гости, встречали радушно. Радовались внукам и, по возможности, баловали их «вкусняшками» и подарками в пределах пенсии.

А вот в отношениях брата с супругой образовалась пустота. Каждый жил своими интересами на своей территории. У неё в общей квартире была своя комната, у него – своя. И каждый создавал уют в своем собственном уголочке. Брат, всегда любивший порядок, сделал у себя в комнате ремонт на свой вкус, поменял мебель, повесил на стенку огромный плазменный телевизор, сменил компьютер.

Вел он здоровый образ жизни, занимался спортом, любил готовить. Сервировкой праздничных столов занимался сам и с любовью. Когда дети были маленькие, он не просто разбивал над сковородой яйцо, он готовил «солнышко в тумане», а если под рукой оказывался огурец, тут же превращал его в крокодила. Умел он делать вкусных чудо-ежиков, аппетитные и ароматные оладушки… да мало ли чего умел мой брат! Закупая продукты, мог обойти не один магазин. Где-то его не устраивали цены, где-то – качество продуктов… Я же не очень любила походы по магазинам: ну хлеб купить, что-то к чаю, молоко… Наверное, потому что много работала, и в свободное

время отдавала предпочтение чтению книг, увлеченно занималась творчеством, а домашние дела в виде кулинарных изысков откладывались чаще всего на долгосрочное «потом»…

После смерти мужа мы с братом стали больше общаться. Часто встречались за чашкой чая и делились друг с другом своими проблемами. Брат по-отечески относился ко мне, старался чем-то помочь: например, «затарить» холодильник, оплатить коммунальные услуги, решить неожиданно возникшие бытовые проблемы. Часто утром встречал меня у дверей офиса с теплыми оладушками. Женщины, с которыми я работала, удивлялись, умилялись и немного завидовали.

Так вот, несколько дней я мучилась тем, что же мне подарить брату на день рождения? И тут меня осенило: ремонт сделал, мебель сменил, а вот шторы… Шторы – старые! «Кота в мешке» я дарить не хотела, поэтому озвучила ему свою идею. И, ура! она пришлась ему по душе. Мы договорились, что выбирать их он будет сам, а я просто оплачу. В назначенный день я освободилась немного раньше. Магазин располагался по пути к моему дому, что было очень удобно. Так как брат еще не появился, я присела на свободное кресло в отделе «Шторы» с книгой в руках и стала ждать. Надо сказать, что современный сервис у нас «на высоте». Ко мне тут же подошли, спросили, что я желаю, и предложили помощь. Я вежливо отказалась, сообщив, что жду человека, который сам выберет товар. Продавец, конечно, подумала, что это будет женщина. Минут через пятнадцать появился брат. Он подошел к витрине и стал внимательно рассматривать ткани, трогал их руками, поглаживал и отходил, как бы прицениваясь. Я скромно стояла за ним и ждала одобрения. Продавцы с любопытством смотрели на нас, их удивляло, что не я, женщина, а мужчина так тщательно рассматривает ткани. Наконец, обойдя витрину с образцами, он покачал головой, что означало: «нет, не выбрал».

– Хорошо, пойдем в другой отдел, – предложила я.

Мы отправились. За нами последовала одна из продавщиц, которая с любопытством ожидала, что же особенное выберет мой брат, товар-то почти одинаков во всех отделах. К ней присоединилось пару любопытных покупательниц. В следующем отделе вся история повторилась. И в третий отдел мы шли уже сопровождаемые целой делегацией. Я почувствовала, что брат нервничает.

– Не мог выбрать, – оправдывался он на улице, – столько любопытных!

На следующий вечер мы посетили другой магазин в нашем районе, где тоже продавались ткани для штор. Потом третий, четвертый… И договорились съездить на выходных в центр города на центральный рынок. Для меня это было нелегкое испытание. Я понимала, что на центральном рынке предстоит потратить полдня, не меньше!

Утром за мной зашел брат, мы сели в автобус и вышли у рынка. Процесс выбора начался. Брат с интересом рассматривал образцы, гладил, прикидывал, что подошло бы к его обстановке. Я скромно плелась сзади, посматривая на часы. Мелькали лица радушных продавцов, желающих получить выручку за проданный товар, ткани разных цветов и разного качества. Путешествие наше подходило к концу, и я с ужасом начинала осознавать, что, возможно, последующие выходные мне придется вместе с братом объездить еще и все окраины нашего города. Вдруг где-то сбоку, рядом с выходом, перед нами возник какой-то невзрачный на вид теремок.

– Зайдем, – предложил брат.

Я повиновалась. Ноги мои уже гудели от усталости. Хотелось скорее домой, вытянутся с книгой на родной тахте. «Слава Богу, последняя торговая точка на сегодня», – подумала я с облегчением.

Помещение было небольшим, витрины наползали одна на другую, и от этого обстановка казалась какой-то мрачной. К моему удивлению брат почти с ходу подошел к висевшей на тесной непривлекательной витрине ткани и, повернувшись ко мне, произнес:

– Вот!

Потом они уже с продавцом – мужчиной, который приветливо улыбался покупателю, стали обговаривать метраж и отделку. Мне осталось лишь оплатить товар.

Уже пять лет как нет в живых моего брата. А подаренные мной шторы до сих пор висят в комнате, которую после его смерти облюбовала внучка.

А там были тапочки, кожаные?

Я спешила к своей бабушке, чтобы поделиться потрясающей новостью. Меня, как лучшую студентку техникума советской торговли, где я обучалась уже два года, премировали путевкой. Обогнув угол, я перебежала дорогу, быстро проскочила ступеньки в тёмно-синем подъезде двухэтажного деревянного дома и чуть ли не с порога восторженно закричала:

– Бабушка, мне дали бесплатную путёвку. Тур по городам Советского Союза, понимаешь! Я уже через десять дней поеду.

Моя добрая, старенькая бабушка, Васса Евдокимовна, – маленькая, сухонькая, но ещё довольно энергичная, в юбке по щиколотку, собранную в складку, и белом платочке на голове – поставила на плиту эмалированную кастрюльку, которая служила ей вместо чайника и, сев на табуретку напротив, приготовилась дальше слушать мою сбивчивую речь. Была она немногословна, говорила, путая русские слова с белорусскими, очень любила нас с сестрой, покупала нам леденцы или же «подушечки», которые в магазине заворачивали в бумажный кулечек.

– Ехать мы будем на поезде. Посетим Ярославль, Смоленск, Брянск, Чернигов, Киев, Москву, – отхлебнув из горячего стакана, делилась я своей радостью. – Нам будут проводить

экскурсии, мы побываем в некоторых музеях. Это так здорово! Я ведь ещё нигде не была, кроме Сыктывкара.

– А табе мамка дае гроши?

– Бабушка, ты ведь знаешь, что лишних денег у родителей нет! Получив зарплату, они её сразу же распределяют. Но я должна ещё получить стипендию, мне хватит. Кормить-то нас будут. А спать мы будем в поезде. Скорее бы уже поехать!

– Ладно, пей чай. Я зараз!

Через пару минут она появилась на кухне и протянула мне небольшую стопку с деньгами, которая состояла из аккуратно сложенных купюр. Я знала, что пенсия у неё небольшая, двенадцать рублей. Жила бабушка очень скромно, шила вручную мелкими ровными стежками одежду для себя и, конечно же, на всём экономила.

– Нет-нет, бабушка, я не возьму! Мне хватит стипендии.

Соблазн для меня, конечно же, был огромный! Но нам с сестрой отец строго-настрого запрещал брать у бабушки деньги. Дома родителям я ничего не рассказала. Настроение у меня было приподнятое, хотелось с каждым встречным делиться своей радостью. Готовясь к путешествию, я пересматривала нехитрый свой гардероб, что-то отбирала и аккуратно складывала в старенький чемоданчик.

Папа часто заходил к бабушке после работы. Он очень любил свою мать и чем мог, помогал ей. Через пару дней после нашей с ней встречи, отец пришёл домой и протянул мне аккуратную стопочку, завёрнутую в газету.

– Это тебе от бабушки на дорогу, – сказал он. – Бери, не обижай её.

В пакете было ровно сорок рублей: рублик к рублику, то, что она мне пыталась вручить, когда я у неё была в гостях.

Поездка была замечательной! Студенты – народ весёлый. В поезде – песни под гитару, шутки, смех, игры. Днем экскурсии, знакомство с городами, мимо которых проходил наш маршрут, походы по магазинам. Всем я купила небольшие подарки: маме – вазочку из стекла, папе – подстаканник, сестре

– яркий пенал с пишущей ручкой и простыми карандашами. А бабушка никогда ничего не просила: и у меня, семнадцатилетней девчонки, даже в мыслях не возникло ей тоже что-то присмотреть. Поэтому её вопрос, когда я, вернувшись домой, всем раздавала свои скромные подарки: «А там были тапочки, кожаные?» – застал меня врасплох.

– Нет, бабушка, кожаные тапочки я не видела! – как бы подтверждая свои слова, пожала я плечами.

Прошло много лет. Уже и бабушки нет на этом свете, и нет в живых моего отца… Но до сих пор я помню её взгляд, когда она спрашивала меня о тапочках. Моя добрая бабушка, видимо, очень мечтала о них, но денег, как всегда, не хватало. И, отдавая мне свои сбережения, которые она копила не один год, видно рассчитывала, что я обязательно исполню её заветное желание: привезу ей кожаные тапочки.

Вспоминая эту поездку, я всегда мысленно прошу прощения у своей любимой, доброй, старенькой бабушки.

Родной внук и приёмный

Так получилось, что у неё сначала долго не было детей, потом – внуков. Муж порой поговаривал о том, что ему бы очень хотелось с маленькими внучатами повозиться (обожал он детишек), но видно так Богу было угодно – не исполнилась его мечта. И только через несколько лет после смерти мужа младший сын обрадовал Светлану Александровну, сказав, что они с женой ждут ребёнка. Правда, тёплые отношения с Викой у неё так и не сложились, но женщина надеялась, что с появлением малыша, возможно, что-нибудь изменится.

Виктория была еще студенткой, когда Валентин впервые появился с ней в их доме. Муж Светланы Александровны, человек по натуре очень гостеприимный и доброжелательный, встретил девушку настороженно. Иногда, разговаривая с

женой один на один, делился: «Не пара они!». Но женщина оставляла его слова без внимания. Это был выбор сына, и она не хотела его обсуждать, потому что наперед знала: мнение своё Валентин не изменит.

Молодые, как правило, уединившись, пили чай или же разговаривали о чём-то, иной раз просто слушали музыку или что-то читали друг другу. В такие минуты их старались не тревожить. Потом сын провожал девушку домой, благо жила она двумя этажами выше.

С родителями Вики ни Светлана Александровна, ни её муж знакомы не были: знали их чисто визуально. Они были люди не очень общительные, даже не со всеми соседями здоровались, сталкиваясь в подъезде.

Вскоре Валентин сообщил, что они с Викторией решили снять квартиру, чтобы жить вместе. Светлана Александровна ожидала, что мама девушки зайдет к ним или хотя бы позвонит: все-таки для встречи была веская причина. Но та никакой активности не проявила.

После того, как ребята подыскали себе жилье, сын выложил перед родителями список необходимых вещей. Начались сборы. Основная мебель в съёмной квартире имелась, поэтому перечень на тетрадном листочке был не очень большой.

– Что на тебя смотрит, то и бери, – оба в один голос разрешили родители.

Валентин тут же достал с антресолей набор кастрюль, который был еще даже не распакован, новый утюг, подаренный Светлане Александровне, чайник, который тоже пока был не востребован… Их сын метался по квартире, откладывая одну вещь за другой, родители ничего не говорили, лишь молча наблюдали за его действиями. Наконец, все пункты списка были перечеркнуты. Приготовленные для переезда пакеты уместились в салоне легковой машины сына.

Конечно же, Светлане Александровне было интересно, как «обустроятся» дети на новом месте, но приглашение навестить их «гнёздышко» так и не последовало…

После того, как Виктория получила диплом, сыграли свадьбу. Со съёмного жилья к тому времени ребята уже перебрались в однокомнатную квартиру малосемейного типа, которую им помогли приобрести родные Вики. Кстати, и туда ни её, ни её мужа ни разу не пригласили. Светлану Александровну постоянно озадачивали неровные отношения между детьми: Валентин иногда приходил ночевать домой… Однако, в душу к нему никто не лез. Понимали: притирка характеров – дело не простое!

За пару недель до родов позвонил сын.

– Мама, Вика в больнице!

– Ее положили на сохранение? – без особого волнения поинтересовалась Светлана Александровна.

– Нет, она споткнулась и упала, когда возвращалась от врача. Прохожие вызвали «скорую».

– А как ребенок?! – уже с тревогой в голосе переспросила женщина.

– Ребёнок вроде ничего. Ногу загипсовали, ей пока нельзя вставать. Ее мама после работы будет ездить к ней. А вот, когда она родит, надо кому-то быть с Викой целыми днями: она же не сможет обслуживать ни себя, ни ребенка.

Светлана Александровна поняла: сын просил её о помощи. Долгожданная поездка к сестре в Житомир отодвигалась. Необходимо было приготовить: паспорт, результаты флюорографии, халат, тапочки, зубную щётку и деньги на отдельную (платную) палату. Но самое главное – подойти к директору школы, где она работала, и договориться, чтобы ей передвинули отпуск, если роды произойдут раньше каникул.

Пятого июня в шесть часов утра невестка родила здорового мальчика. Как только Валентин сообщил об этом, Светлана Александровна достала пакет, упакованный заранее, и вызвала такси. Через час она вошла в здание роддома. В палату поднималась с чувством волнения: последний раз новорожденного (маленького Валентина) она держала в руках двадцать пять лет тому назад. Но это был её ребенок. А

теперь брать внука, которому от роду несколько часов, подмывать, пеленать, переодевать… и делать это под пристальным, оценивающим взглядом молодой мамы… осознавала – будет не так-то просто!

Мать Вики, впервые увидев внука, сразу же отметила:

– На Валентина похож!

– Нет, скорее всего, на Вику, – возразила ей Светлана Александровна, а про себя отметила: «Красивым вырастет». Виктория внешне была очень приятной девушкой: чуть выше среднего роста, стройная, голубоглазая, с правильными чертами лица. Как говорится, «все при ней!». Бросались в глаза и нежность, и стать, и девичья хрупкость. Правда, немного удивлял настороженный, недоверчивый взгляд больших выразительных глаз, в которых часто таилось что-то невысказанное, непонятное для Светланы Александровны.

Как только появлялся в больничной палате Валентин, все полномочия по уходу за малышом (по просьбе Виктории) сразу же переходили к нему. Виктории хотелось, чтобы папа брал своего малыша на руки, самостоятельно пеленал и прикладывал к материнской груди. Со стороны это выглядело очень трогательно! Молодой отец со страхом подходил к крохотному ребенку, долго мучился с непокорной пеленкой, осторожно переворачивал новорожденного, неумело загибая ткань. В конце концов, кое-как доносил его до кровати, где тот с легкостью освобождал ручки и ножки. Но Вика, принимая малыша, была счастлива и такой малости просто не замечала.

Через несколько дней Валентин привез жену с сыном к тёще.

Как только мать Вики уходила на работу, Светлана Александровна поднималась к девушке. Она подмывала и пеленала внука, застирывала и гладила пеленки, грела еду и кормила Викторию. Вечером, когда сватья возвращалась со службы, женщина спускалась к себе. Через некоторое время Вика уже более уверенно стала передвигаться на костылях и приспособилась многое делать сама, все меньше и меньше нуждаясь в помощи.

– Теперь вы можете не приходить, – как-то сказала Светлане Александровне девушка.

В висках гулко застучало. Тревожный взгляд метнулся к малышу: ей хотелось его видеть, держать на руках, пеленать, смотреть на него. Хотя понимала, что это другая семья со своим укладом жизни, и, возможно, её присутствие стесняет домочадцев.

– А может быть, я буду у себя дома стирать пеленки, гладить и заносить к вам? – предложила она свои услуги, надеясь на то, что хоть иногда будет видеть внучонка. Но и в этом ей тоже отказали.

Когда малышу исполнился месяц, Светлана Александровна с тортиком и погремушками позвонила в дверь к сватам. «Маленький юбилей – это причина веская, – решила она, – можно прийти и без приглашения». Особого восторга у членов семьи Светлана Александровна не заметила, но с малышом все-таки встретилась. Правда, непродолжительное свидание огорчило её: ненароком она узнала, что внук не будет носить их фамилию. Виктория ограничилась только отчеством – Валентинович, она и сама не взяла фамилию мужа после росписи. Конечно, это ей не очень понравилось: «Фамилия у нас редкая, звучная, хорошо выговаривается, – рассуждала она, – в конце концов, это удар по самолюбию Валентина!» – но мысли эти опять оставила при себе.

Накануне третьего «маленького юбилея внучонка» произошел небольшой инцидент: Валентин в очередной раз «вернулся домой»! Светлана Александровна слышала, как сын своим ключом открыл дверь, тихонечко, чтобы никого не разбудить, прошёл и лёг на свою кровать. В час ночи заиграл его мобильный. Женщина поднялась, посмотрела на табло: звонила Вика.

– Ты что-то хотела?

– Мне нужен Валентин, откройте дверь! – раздраженный голос девушки ничего хорошего не предвещал. Как правило, Виктория, выясняя отношения, заводилась с пол-оборота, не обращая никакого внимание на окружающих.

– Вика, мы спим! Нам с утра на работу! Ты разбудишь не только Валентина, но и всех остальных, – стараясь не показывать своего недовольства, ответила Светлана Александровна.

– Мне нужно забрать ключ, – не унималась Виктория.

– Хорошо, если это так важно в столь поздний час, я открою тебе!

Женщина вышла в прихожую и открыла входную дверь. Не стесняясь свекрови, девушка сразу же стала энергично выворачивать карманы куртки своего мужа…

Утром, подняв сына на работу, Светлана Александровна сообщила, что его жена забрала ключи и все деньги, которые были в его куртке.

– Да… – понуро отреагировал Валентин, – теперь я до конца месяца остался без обедов.

– На столовую я тебе дам, не беспокойся, – ответила Светлана Александровна и, вытащив с кошелька деньги, протянула Валентину.

Пятого сентября с тортиком в одной руке и с пакетом, где лежали яркие игрушки, несколько пар голубых ползунков и крохотных носочков, в другой – Светлана Александровна уже «по традиции» отправилась к Виктории.

– Ваш внук для Вас всегда спит! – выпалила девушка, увидев Светлану Александровну, и злорадно захлопнула перед ней массивную дверь, давая понять, что это расплата за тот ночной инцидент, когда ей не позволили по горячим следам разобраться с мужем. С тяжелым осадком женщина вернулась домой. «Ну что ж, – рассудила она, опустившись в кресло, – а если бы мой внук жил в другом городе или же в другой стране, я бы только знала о его существовании… И он бы так же рос, не зная меня. Ничего, вырастет, и, если захочет – найдет: живем – рядом, но на поклон к Виктории больше не пойду!» – решила женщина.

О том, что так неудачно закончилось посещение малыша, Светлана Александровна сыну не стала рассказывать: не

хотела подливать масла в огонь. Отношения между молодыми и так были не простые.

Через пару месяцев Валентин окончательно поселился в родительском доме. Светлана Александровна иногда между делом интересовалась: «Ты что к Вике больше не вернешься?», но тот все время отвечал: «Нет».

Прошел год… Они развелись официально.

Как-то в воскресный день, вернувшись из магазина, она увидела в прихожей на вешалке маленькую курточку, а внизу – небольшие ботиночки. Сердце тут же обдало теплотой: «Неужели в гостях внук? Нет, детская обувь, пожалуй, потянет на трехлетнего ребенка, а внуку и двух нет!» – рассудила она. Светлана Александровна разделась и прошла в зал. На тахте вместе с Валентином сидели хрупкая кареглазая девушка и мальчик лет четырех, как две капли воды похожий на свою маму. Все трое дружно оторвались от монитора и повернулись к ней.

– Здравствуйте! А кто у нас сегодня в гостях? – обратилась к ним Светлана Александровна.

– Это – Ольга, – представил сын незнакомку.

Гостья в знак согласия слегка кивнула головой. Женщина почувствовала, как замер на ней её внимательный, настороженный взгляд: «примут ли меня здесь?».

– А тебя как зовут? – спросила Светлана Александровна мальчика, чтобы как-то разрядить напряжение, застывшее в воздухе.

– Серёжа, – негромко отозвался малыш.

– Угостить тебя яблочком? Сейчас принесу.

Малыш взял угощение, протянутое ему, поблагодарил и снова повернулся к компьютеру, где мелькали кадры из какого-то мультфильма.

Так началось знакомство Светланы Александровны с приёмным внуком.

Дальнейшие события развивались стремительно. Валентин с Ольгой подыскали себе съёмное жилье. Как и с первой женой, сын положил перед Светланой Александровной

список необходимых вещей. На следующий день вечером они вместе с Ольгой заехали за ними. Уже в дверях, держа пакеты в руках, девушка повернулась к Светлане Александровне и с улыбкой произнесла:

– Мы немного разберёмся с вещами и пригласим вас в гости! Можете записать наш домашний телефон и адрес.

«Пригласят или нет – покажет время! Особо обольщаться не стоит!» – подумала про себя женщина. Однако тон произнесенных слов, доброжелательная улыбка, обращенная к ней, ворвались тёплым солнечным лучиком в её сознание.

Через неделю действительно в квартире прозвучал звонок, Ольга поинтересовалась, удобно ли будет Светлане Александровне навестить их в субботу в два часа дня.

– Хорошо, я приеду, – согласилась женщина.

– Нет, нет, вас привезет Валентин...

На «званном» обеде она расспрашивала девушку о её родителях, о работе, о сынишке…

После застолья, молодежь осталась на кухне, чтобы убрать со стола, а Светлана Александровна с маленьким Серёжей прошла в комнату.

– Покажи мне свои игрушки и книжки, которые тебе читают, – попросила она ребёнка.

Мальчик охотно подвинул к ней пластмассовый ящик с машинками. Потом они вместе разбирали познавательные игры, имеющиеся в детском уголке, рассматривали книги… Слушая ребёнка, Светлана Александровна делала свои выводы: «Хорошо бы его показать логопеду: мальчик недостаточно чётко произносит многие звуки. Не помешало бы позаниматься с ним по специальной программе, чтобы расширить его кругозор, надо бы закачать её в компьютер…».

Женщина на выходные старалась брать малыша к себе, чтобы дать возможность молодым куда-нибудь сходить или просто уделить друг другу больше внимания. Чтобы ребёнок не скучал без своей мамы, тщательно готовилась к каждой встрече. Она искренне радовалась его успехам, когда они вместе с ним мастерили какие-нибудь поделки, читала ему

вслух сказки, учила рисовать. Малыш охотно помогал ей на даче: она, например, боролась с сорняками, а он на своей большой машине их увозил, или же с небольшим ведерочком ходил с ней за водой, складывал дрова в поленницу. Это были не то соревнования, не то какая-то игра.

Мальчик был послушным, ласковым и благодарным ребёнком. При встрече прижимался к ней, обнимая её своими худенькими ручонками, и целовал. Делился с ней какими-то детскими секретами.

Светлана Александровна рассчитывала, что Валентин будет приводить и родного внука к ней. Алименты он платил исправно, поэтому через органы опеки мог бы настоять на своём. Но агрессия, которую обрушила на него Виктория после развода… Это был стресс для всей их семьи. Вика вцепилась чуть ли не зубами в его машину и гараж, который помогла купить Валентину Светлана Александровна. Было такое ощущение, что бывшая его жена не побрезговала бы даже их квартирой… Бесконечные суды изматывали, стоили немалого здоровья. Ни Светлане Александровне, ни самому Валентину не хотелось ни видеть, ни общаться, ни сталкиваться с Викторией даже случайно… Поэтому всё то, что женщине хотелось передать своему родному внуку, получал живой кареглазый малыш по имени Серёжа. Рядом с ним Светлана Александровна отходила душой, успокаивалась и как-то забывала о том, что есть другой мальчик, обделенный её любовью.

Как-то в один из воскресных дней за Серёжей должна была заехать его родная бабушка, чтобы забрать к себе, так как Светлане Александровне в понедельник надо было выйти на работу. К назначенному часу Серёжа собрал свои игрушки.

– Давай оденемся и выйдем на крыльцо. Бабушка с дедом подъедут, а ты – готов! – предложила Светлана Александровна.

Четырехлетний ребёнок нехотя потянулся за колготками, потом как-то замялся и нерешительно проговорил:

– Не отдавайте меня бабушке Вале.

– Почему? – удивилась Светлана Александровна. – Она же так тебя любит!

– Я хочу быть у Вас.

«Ну вот, не только он стал мне родным, но, похоже, и я ему…», – незамысловатые слова ребенка обдали её душу светлой, лёгкой волной. Она прижала малыша к себе, не скрывая счастливой улыбки…

Импровизация русской народной сказки…

Летел Змей Горыныч около линии с проводами, нечаянно задел их и запутался. Мимо шёл Иванушка-Дурачок.

– Ва-а-а! – вскрикнул он. – Пойду, включу рубильник!

– Иван, пожалуйста, не включай рубильник. Я три желания твои исполню! – взмолился Змей Горыныч.

– Ну, хорошо. Первое моё желание: хочу машину марки «Toyota», новую, голубого цвета.

– Иван, побойся Бога, это же так дорого! – возмутился Змей Горыныч.

– Ладно. Иду включать рубильник.

– Не надо, не надо! Будет тебе «Toyota», – закричал Змей.

– Второе моё желание, – продолжил Иванушка, – хочу пятикомнатную квартиру на Рублёвке, в Москве.

– Иван, да ты что?! – опешил Змей.

– Ладно, иду включать рубильник!

– Нет-нет! Не надо включать рубильник. Будет у тебя квартира на Рублёвке.

– Третье моё желание, – продолжил Иван, – хочу жену: красивую, скромную, умную и работящую. А самое главное – девственницу!

Задумался Змей Горыныч и через некоторое время молвил:

– Иван, иди, включай рубильник.

Как звери строили мост…

В поселке Нижний Чов в Республике Коми Волк, Лиса, Заяц и Осёл решили построить мост через реку Емвалька. Конечно, на его строительство нужны были деньги.

– Итак, Заяц, – обратились к нему звери, – ты шустрый: одна нога там, другая – здесь. Обеги инстанции и принеси деньги.

Запыхавшийся Заяц вернулся быстро.

– Ну что, – поинтересовались звери. – Принёс?!

– Не дали, – виновато вздохнул зайчишка.

– Хм! Я – грозный и зубастый, – нахмурил брови Волк, – достану!

И, щёлкнув зубами, отправился в путь.

Смотрят звери, плетётся Волк назад с поджатым хвостом и поникшей мордой.

– Ну-у!!! – поинтересовались они.

– Не дали, – сознался он.

– Я хитрая, – ухмыльнулась Лиса, – мне не откажут.

И побежала по инстанциям, гордо подняв рыжую мордочку.

– Ну что, принесла деньги?! – поинтересовались звери, когда она вернулась.

– Нет, не дали. – И стыдливо опустила свои глаза.

– Ладно, Осёл, ты, вроде, тоже в нашей команде. Мы все ходили. Пройди и ты инстанции. Хотя проку от тебя!?

Поплёлся Осёл. Час прошёл, другой… Вернулся.

– Ну что, не дали?!

– Почему? Да-а-али! – заявил Осёл.

– Ка-а-ак, расскажи!!!

– Ну, захожу я в первый кабинет. А там больша-а-ая комиссия сидит, и спрашивают меня: «Как мост будете строить, вдоль реки или поперёк?» Думал я, думал и говорю: «Скорее всего, вдоль реки». И дали!

– А кто же в той комиссии был? – Поинтересовались звери.

– Ну, такие же ослы, как и я!

Анекдоты из прошлого…

* * *

Пьяный молодой человек подходит к своему дому, поднимается на свой этаж, звонит в свою дверь. Ему открывает незнакомая женщина.

– Я здесь живу? – Спрашивает он.

– Нет, молодой человек, Вы не здесь живете.

Он молча выходит, долго кружит по микрорайону. Опять приходит к тому же дому, поднимается на свой этаж, звонит в свою дверь. Ему открывает та же самая женщина.

– Я здесь живу? – спрашивает он.

– Нет, молодой человек, Вы не здесь живете, – опять отвечает ему незнакомая женщина.

Молодой человек вновь выходит, кружит по микрорайону, снова подходит к своему дому, поднимается на свой этаж, звонит в свою дверь. И видит ту же самую женщину.

– Я здесь живу? – опять спрашивает он у этой женщины.

– Нет, молодой человек, Вы не здесь живете! – уже с раздражением отвечает она.

– Как же так! – возмущается он. – Вы везде живете, а я нигде не живу?

* * *

– Бармен, мне, пожалуйста, десять рюмок с водкой!

Бармен наливает и ставит перед посетителем.

–Теперь уберите первую и последнюю, – просит посетитель. – Первая плохо идёт, после последней – вырубаюсь! – подняв вверх палец, поясняет он.

* * *

Пожилой мужчина стоит перед зеркалом с расческой. Сначала свои три волосинки он зачесал в одну сторону. Не понравилось! Потом зачесал их в другую сторону. Опять не понравилось.

Мужчина глубоко вздохнул и, махнув рукой, заявил:

– Ладно, опять лохматым пойду!

* * *

Встретились у моря два приятеля.

– Пошли, искупаемся, – предлагает один другому.

– Я не умею плавать!

– Ну, ты даешь? Всю жизнь прожил у моря и не научился!

– А ты чего не летаешь? Ведь всю жизнь прожил у аэропорта!

* * *

Посетитель ресторана возмущается:

– Официант, почему в крабовом салате нет крабов?

– А в греческом салате есть греки? – озадачил посетителя официант.

* * *

В аптеку зашел молодой человек и тихонечко, очень смущаясь, спрашивает:

– Скажите, пожалуйста, у вас в продаже есть презервативы?

– Света, у нас есть презервативы? – крикнула провизор, обращаясь к невидимой Светлане за открытой дверью служебного помещения.

– Ну не надо так громко, пожалуйста, – просит посетитель.

Невидимая Светлана поясняет, чтобы слышно было в зале:

– Презервативы находятся во втором шкафчике, внизу!

– Сколько вам презервативов, молодой человек? – обращается провизор, направляясь к шкафчику.

– Пожалуйста, тише, – шепчет, покраснев от смущения, юноша.

– Хорошо, пробиваю вам стоимость пяти презервативов, – любезно сообщает покупателю работник аптеки.

За спиной молодого человека собралась очередь, которая уже с явным любопытством ждёт завершения этой покупки.

Красный как рак молодой человек взял сверток и направился к выходу, но у дверей остановился, задумался, потом повернулся к залу и, подняв вверх сверток, очень громко крикнул:

– Кто ещё не слышал, что я презервативы купил?

* * *

К отоларингологу на приём заходит дама, в ушах которой очень дорогие серёжки.

– Доктор, – капризно обращается молодая женщина к врачу, у меня болят ухи!

Через несколько дней она повторно приходит на приём.

– Как Ваши уши? – интересуется доктор.

– Вы меня узнали по серьгам?! – кокетливо воскликнула пациентка.

– Нет, по ухам! – пояснил доктор.

* * *

Уезжающая в санаторий дама даёт мужу последние наставления:

– А кошку будешь кормить гречкой. В первый день она подойдет к гречневой каше и фыркнет: «Фу, гречка!». На второй день кошка снова подойдет к своей плошке и снова фыркнет: «Фу, гречка!». А на третий день, увидев в плошке гречку, она закричит на весь дом: «Ура!!! Гречка!!!».

* * *

Еврей жестом показывает на пирожки и говорит своему гостю:

– Угощайтесь, пожалуйста, пирожки свежие, с ягодами…

– Да, я уже два съел, спасибо, – отвечает гость.

– Ну, допустим, не два, а три, но кто Вам их считает!?

* * *

После ознакомления с докладом о культе личности Сталина И. В. Хрущёву Н. С. была передана записка: «А где вы были в это время?»

Никита Сергеевич прочитал её и спросил сидящий в зале людей:

– Кто написал эту записку?

Молчание. Он ещё раз спросил:

– Так кто же написал записку?

И после продолжительной паузы ответил:

– Я так же сидел и молчал!

Содержание:

Из записной книжки Женщины…(Статья Н. Прохоровой)	2
Читатель мой, я - скромный стихотворец...	
Я вижу, как читаешь в одиночку…	4
От первого лица…	
Научи меня…	5
Как на марафоне, мы бежим…	6
У зеркала – с пристрастием, без фальши...	7
Научись не завидовать лучшему другу…	8
Приоткрою ларь я небольшой…	9
Сделать шаг, дела свои забросив…	9
Я к березке иду, к той, что смотрит на пруд…	9
Калейдоскоп	
Приезжай, увидишь Сыктывкар…	10
Эжва только район нашей Коми столицы…	10
Поселился в доме нашем…	11
На мониторе каждый день бои…	11
Не развалилась в мягком кресле… (По заказу любителей скандинавской ходьбы)	12
Ванга миру предсказала…	13
Ну что, дружок, тоску наводит холод…	13
Я помню Вас…	
Взяла я в руки телефон	14
Я помню Вас, я хорошо Вас помню… (Василию Журавлёву-Печорскому)	15
Целый мир, огромный мир… (Р. И. Куклиной. Поэту, литературоведу)	16
Неспешный слушая рассказ (В. И. Хворостову)	17
Я Вас прошу: "Давайте жить НАДЕЖДОЙ!"… (Поэту Ивану Ярославову)	17
В своих стихах он воспевал Россию… (Поэту Сергею Есенину)	18
О сколько книг прочла я о войне…	
Отца я представляла много раз…	19
О сколько книг прочла я о войне…	19
Война перечеркнула разом планы…	20
Холокост	21
Был сорок первый…	22
На зависть врагам всё портреты, портреты…	22
Как мало вас сегодня, Ветераны…	23
Кровоточат раны на моей планете…	23
А я за вас тихонько помолюсь…	
А я за вас тихонько помолюсь…	24
Стали взрослыми, вижу, мальчишки мои…	24
Миновал не один уже год… (В. Е. Нестеровой)	25
Стала важной сиамская кошка…	26
Как же быстро и дни, и недели пронеслись…	26
Для маленькой девочки, внучки Алисы…	
Задача нелегкая есть у Апреля…	27
Все, Алиса, будут спать…	27
Это кто так рано встал?..	28
У Алисы пластилин…	28

Какой разноцветный кокетливый носик 29
Времена года
Зима Запоздала Зима: к ноябрю не явилась 30
В одночасье ОСЕНЬ поседела… 31
Давно НОЯБРЬ укрыл дороги снегом… 31
За окошком моим снегопад… 32
Убаюкал Декабрь всю округу… 32
Вся в белом снежная богиня… 33
А снег ложится тихо и печально… 34
Белым бело на улице… 34
Весна Март наступил… 35
А март еще у нас в снега одет… 36
Ну, наконец-то, Март пришёл в себя… 36
Март, уходя, сказал Апрелю… 37
АПРЕЛЬ улыбкой солнечной искрится… 37
Апрель, уходя, подводит итоги… 38
Весна наводит на земле порядок… 38
Приустал Апрель немного… 38
Лето Лето заблудилось… 39
От морозов уже не осталось следа… 40
Запах лета, запах мяты… 40
Слышу звонкий я голос лета… 41
Июль с утра уже теплом ласкает… 41
Август щедрый на подарки… 42
Уходит лето по-английски, молча… 42
Осень Вот и небо стало чаще хмуриться… 43
Унылый дождь… 44
Холодная осенняя пора… 44
А ветер весело, вприпрыжку … 45
Горит лучистым золотом сентябрь… 45
Снова осень стоит у порога… 46
Не нарушая сроки, снег пошёл 46
Пожелтели за окном березки 47
Провожает осень птичьи стаи... 48
Золотая опала листва 48
Проза
Эхо войны… 49
Шторы для брата 56
А там были тапочки кожаные? 59
Родной внук и приёмный 61
Импровизация русской народной сказки… 70
Как звери строили мост. 71
Анекдоты из прошлого 72

Ханаева Людмила Григорьевна

От первого лица

Поэзия, проза

Редактор - Надежда Прохорова
Технический редактор - Ольга Пашкова
Рисунки автора.